

306 III

279 III по с

ВОЙНА С АТИРИКОМ

Цѣна отд. № 15 коп.
На ст. жел. д. 20 коп.

НОВЫЙ

№ 47

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1915
19 НОЯБРЯ

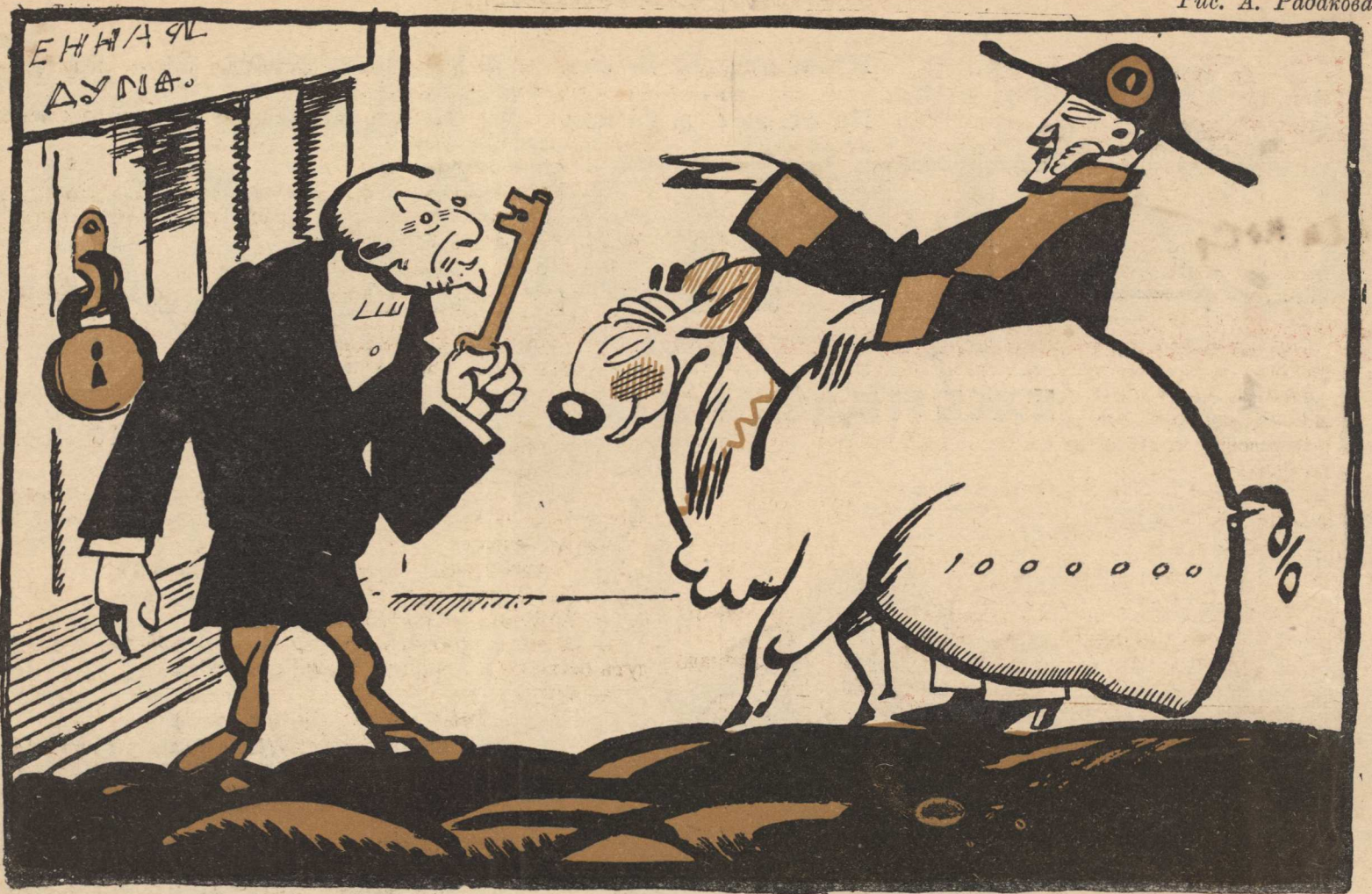
Рис. Ре-ми.

При этомъ номерѣ разсматривается бланкъ для перевода подписныхъ денегъ на журналъ "НОВЫЙ САТИРИКОНЪ".
Не получившихъ бланкъ просить заявить объ этомъ въ контору "Новаго Сатирикона", Невскій 88.

ПОДЪ ДВИНСКОМЪ — НОЯБРЬ...

— Къ сожалѣнію нашъ Вильгельмъ больше похожъ на Наполеона, чѣмъ мы даже сами думали?..

ТАНЦКЛАССЪ.

(Для эстраднаго пѣнья.)

Нѣкій хамъ сидитъ въ своей газетѣ,
Культивируя развратъ:
— Пойте, дѣти, подпѣвайте, дѣти,
Шагъ впередъ и два назадъ.

Старенькій профессоръ далъ передовицу
Гдѣ громилъ сановныхъ лицъ.
Нѣкій хамъ прочелъ ее и злится:
— Это жъ дерзость безъ границъ.

— Господинъ профессоръ, влѣво не смотрите:
Что о насъ заговорять?
Это неудобно. Дѣти повторите:
Шагъ впередъ и два назадъ.

Секретарь привелъ фельетониста
Со статьей изъ острыхъ фразъ.
Нѣкій хамъ ворчитъ на журналиста:
— Ой, погубите вы насъ.

— Въ наше время такъ неосторожно
Выставлять свой личный взглядъ...
Такъ враговъ нажить газетѣ можно...
Шагъ впередъ и два назадъ.

Публицистъ по поводу кого-то
Поднялъ въ строчкахъ шумный вой.
Нѣкій хамъ съ печальною заботой
Скорбно никнетъ головой.

— Что это за люди?! Что на бѣломъ свѣтѣ
Ни случится — закричатъ.
Тоже — обличитель... Просто спойте, дѣти:
Шагъ впередъ и два назадъ.

— Старенькій профессоръ съ вѣщимъ журналистомъ,
Потрясатели основъ,
Съ пѣснями и съ шумомъ, съ музыкой и свистомъ,
Натанцуйте больше словъ.

— Этимъ поклонитесь, этому польстите,
Пусть и насъ благодарятъ.
Веселѣе, дѣтки, дружно повторите:
Шагъ впередъ и два назадъ.

А надъ хамомъ есть еще издатель,
Зажирѣвшій готтентотъ,
Съ бойкаго танцкласса, какъ его создатель,
Получающій доходъ.

И когда дѣла его въ газетѣ
Сладко душу веселятъ,
Онъ поетъ тихонько въ кабинетѣ:
Шагъ впередъ и... семь назадъ.

Өермопиль Харибдовъ.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПОДБОРЪ.

— Послушайте! Вы, кажется, членъ петроградской городской думы?

— А что? Попробуйте только, троньте пальцемъ — я на васъ въ судъ подамъ.

— Да съ чего вы взяли, что я васъ хочу бить?

— Неужели, не хотите?

— Увѣрю васъ.

— Странно... А чего же вы хотите?

— Поговорить съ вами.

— Только, пожалуйста, безъ рукъ. Что вы хотѣли у меня узнать?

— Первое: насчетъ дровъ. Вы устроили городскіе склады дровъ гдѣ-то на Гутуевскомъ островѣ, на Горячемъ полѣ, на Гагаринскомъ буянь... Добраться туда покупателю на извозчикѣ стоитъ пять рублей, а вывезти оттуда дрова — стоитъ пятьдесятъ рублей.

— Да-съ.

— Не знаю, изъ какого матеріала сдѣлана ваша голова, но, неужели, вы, по примѣру Москвы, не могли устроить склады на центральныхъ площадяхъ?!

— Голубчикъ! Такъ это еще дальше выйдетъ, чѣмъ на буянь...

— Почему?!

— Да вѣдь Гутуевскій островъ все-таки подѣ бокомъ у Петрограда, а Московская площадь, сложи мы на нее дрова— гдѣ она? У чорта на куличкахъ. 609 верстъ отсюда.

— Васъ, такихъ умныхъ, много въ думѣ?
— Всѣ такіе.

* * *

— Еще я хотѣлъ спросить вотъ что: вы устроили городскія мясныя лавки, но открываете вы ихъ чуть не въ 12 часовъ дня, и когда покупатели являются — туши оказываются не разрубленными... Почему это?

— Да видите вы въ чемъ штука... Завѣдующій этимъ дѣломъ такой добрый, мягкосердечный человѣкъ, что ему жалко ни за что ни про что рубить бѣдное животное. Цѣликомъ еще онъ можетъ отдать бычка или свинку, и то при условіи, чтобы на новомъ мѣстѣ съ ними обращались хорошо.

— У васъ въ думѣ всѣ такіе умные, какъ этотъ завѣдующій мяснымъ дѣломъ?

— Всѣ!

* * *

— А, скажите, почему извозчики берутъ за конецъ, стоящій сорокъ копеекъ — полтора рубля?

— А зачѣмъ же ему давать полтора рубля... Ему надо сорокъ копеекъ дать.

— Но если ѣдешь съ дамой, да онъ раскричится, да начнетъ называть тебя жуликомъ...

— А вы за городовымъ сбѣгайте, да и тово...

— Какъ же я «сбѣгаю за городовымъ»? Вѣдь извозчикъ возьметъ да уѣдетъ!!

— А вы даму оставьте его сторожить.

— Да вѣдь онъ даму изругаетъ, а еще, глядишь, и поколотитъ, и, все-таки, уѣдетъ...

— Тогда пусть дама сбѣгаетъ за городовымъ, а вы сами постерегите извозчика...

— А если дама не найдетъ городского? Если его нѣтъ поблизости?

— Тогда велите извозчику ѣхать въ участокъ.

— Съ дамой?

— Надѣюсь, что вы не покинете вашу даму. Такъ встроимъ и поѣдете.

— А если извозчикъ откажется ѣхать въ участокъ?

— Вызовите дворника ближайшаго дома.

— А если дворникъ откажется везти извозчика въ участокъ?

— Тогда вы имѣете право дворника потащить въ участокъ.

— Да вѣдь онъ тоже можетъ отказаться.

— Вызовите управляющаго домомъ, принесите ему жалобу на дворника.

— А если управляющій пошлетъ меня къ чорту?

— А вы дайте ему по мордѣ.

— Да вѣдь извозчикъ можетъ во время этой свалки уѣхать?

— Можетъ.

— Значитъ, я опять-таки, извозчика потерялъ?

— Вотъ чудакъ человѣкъ! Да если онъ вамъ ужъ очень такъ нуженъ — дайте ему лишній цѣлковый — и никакой канители не будетъ.

— Это, значитъ у васъ такая извозчицья такса?

— Да, у насъ извозчицья такса.

— И тотъ, кто ее выдумалъ и ввелъ въ жизнь — еще живъ?

— Живъ и здоровъ, помилуйте!

— У васъ всѣ въ думѣ такіе умные, какъ этотъ сочинитель таксы для извозчиковъ?

— Всѣ такіе.

* * *

— А скажите, почему у васъ публика такъ обвѣшиваетъ трамвай, что не остается мѣста, чтобы плюнуть на какое-нибудь незащищенное мѣсто трамвая?

— А зачѣмъ вамъ плевать на трамвай?

— Да я всегда на него плевать хотѣлъ.

— Вообще, на трамвай?

— Нѣтъ, именно на вашъ трамвай!

— Стыдно плевать. Да у насъ не всѣ трамваи переполнены. Есть линіи, гдѣ трамваи ходятъ пустые.

— Зачѣмъ же вы такъ устраиваете?

— Пусть не говорятъ о переполненіи трамваевъ. Увидятъ гдѣ-нибудь на Пальменбахской пустой трамвай и подумаютъ: «Э, значитъ, все это враки».

— А вы бы попробовали пустующіе вагоны переводить на линіи, болѣе оживленныя.

— Нѣтъ, это выйдетъ путаница. Мы придерживаемся системы математической.

— Что это за система?

— Просто, какъ палецъ, но гениально. По маршруту № 1 мы пускаемъ 1 вагонъ, по маршруту № 2 — два вагона, № 3 — три вагона, и такъ далѣе.

— Это кто выдумалъ?

— Одинъ изъ трамвайной комиссіи. И по-виду онъ такъ себѣ, плюгавенькій, а вотъ — подите же!

— У васъ всѣ въ думѣ такіе ум...

— Всѣ такіе. Всѣ, какъ одинъ.

* * *

— Послѣдній вопросъ...

— Только, пожалуйста, безъ рукъ!

— Будьте покойны! Что я, звѣрь, что ли... Скажите мнѣ только: почему въ ресторанахъ торговля ограничена до 11 часовъ вечера?

— Топлива мало. Электричество экономимъ.

— Какое электричество?

— Которымъ освѣщаютъ рестораны.

— А вотъ, говорятъ, рестораторы заявляютъ, что будутъ освѣщать помѣщенія своими средствами.

— Врутъ.

— То-есть, какъ врутъ? Почему врутъ?

— Да что жъ они... спички будутъ жечь, что ли? Сидитъ гость, ѣстъ котлетку, а слуга ему все время подъ носъ горящую спичку суетъ. Соглашались сами — тутъ и котлета въ ротъ не полѣзетъ!

— Почему же спички... Есть свѣчи, керосинъ...

— А вагоны для всего этого — вы изъ пальца высосете?

— Но вѣдь существуетъ прекрасное спирто-калильное освѣщеніе! А спирту-то, надѣюсь, сейчасъ сколько угодно.

— Что-о-о? Въ ресторанахъ? Спиртъ?

— Да вѣдь денатурированный, чоррт...!!!!

— Пожалуйста, безъ рукъ! А вы думаете, денатурированный, такъ они его пить не будутъ?..

— У васъ всѣ такіе умные въ думѣ, какъ вы? — въ послѣдній разъ спросилъ я.

— Всѣ, какъ на подборъ.

* * *

Мнѣ было чрезвычайно интересно, что тамъ у него было внутри, въ головѣ.

Ударомъ кулака я убилъ его, вскрылъ перочиннымъ ножомъ небольшой участокъ черепа и заглянулъ внутрь: оттуда пахнуло сухой затхлостью... Я потрясъ голову: изъ отверстія высыпалось немного пыли, двѣ копейки, обрывокъ неприличной открытки и костяная пуговица отъ брюкъ.

Аркадій Аверченко.

ГИМНАЗИСТКА.

(Моей сестрѣ Марусѣ.)

Гимназистка Муся опоздала
Къ ужину... пускай простынетъ онъ.
Вѣдь она сегодня провожала
На перонѣ тусклаго вокзала
Уходившій пятый эскадронъ.
Съ нимъ ушелъ тотъ нѣжный и влюбленный
Мальчикъ, съ блѣдной алостью лица,
Что стоялъ такъ часто у крыльца,
Прячасъ въ уголь меньше освѣщенный...
Ждалъ ее... неловкій и смущенный...
Дома все шумитъ еще гроза.
Мусь что-то злое говорили
Про позоръ, а ей, какъ встарь, свѣтили
Сѣрые печальные глаза...

За окномъ вѣтвями никла ива,
Дождикъ горько плакалъ о быломъ,
А на кухнѣ нудно и тоскливо
Горничная пѣла за шитьемъ:
— «Ма-а-ма бби-ла дь, пд-ще-камъ —
Не-е-гу-ляй съ пра-пдр-щикамъ...»

Сергій Михѣевъ.

ПЛЯСКА СРЕДИ МЕЧЕЙ.

Греція: — Ой, трудно плясать подъ твою дудку. Ноги вѣдь некуда поставить...
 Вильгельм II: — Погоди, я сдѣлаю такъ, что ты скоро будешь въ состояніи легко и свободно протянуть ноги.

КАКЪ НѢМЦЫ САМОВАРЪ ВЫДУМАЛИ.

(Cartes postales Карла Лангзама.)

1.

Милое мое свиное ребрышко, Амальхень!
 Зачѣмъ ты окончила свое письмо пожеланіемъ, чтобы Богъ покаралъ Болгарію? Или ты газетъ не раскрываешь? И сама перестань молить Бога, чтобы Онъ покаралъ Болгарію и слѣпой бабушкѣ о томъ же скажи. А то она прошлый годъ до Рождества молилась, чтобы Богъ покаралъ Турцію. Вбей ей въ голову, что Фердинашку мы купили, а молиться, чтобы была наказана собственная покупка и невыгодно и рискованно.

2.

Насъ перебросили на русскій фронтъ. Я уже видѣлъ двухъ русскихъ, съ которыми сошелся во время затишья у колодца. У одного русскаго въ рукахъ было ведро, а у другого какой-то странный предметъ, пузатый, желтаго цвѣта.

Я спросилъ у русскаго:

— Was ist das?

И услышалъ въ отвѣтъ:

— Дура.

Въ эту дуру солдатъ налилъ воды и осторожно отнесъ ее въ окопы.

3.

Мы заняли оставленные русскими окопы, и въ наши руки досталась дура.

Дура — странная вещь. Представь себѣ мѣдный аппаратъ, круглый по срединѣ и вытянутый книзу, на четырехъ ножкахъ, закрытый сверху и имѣющій сбоку кранъ, вродѣ нашихъ водопроводныхъ. Назначеніе дуры никому неизвѣстно, такъ какъ никто изъ насъ ни разу не былъ въ Россіи и не знаетъ ея обычаевъ.

Больше всего меня поразило то, что въ дуру никакъ не нальешь воды, и въ то же время я прекрасно помню, что русскій солдатъ пользовался дурой, какъ ведромъ.

4.

Я и нѣсколько пріятелей ранены.
Переведены въ тылъ. Дуру удалось захватить съ собою.

5.

Нашли мы въ верхней части дуры маленькую поворачивающуюся крышечку, въ которую не проникает даже мизинецъ. Послѣ зрѣлаго размышления, всѣ мы пришли къ убѣжденію, что именно въ эту дырочку и надо наливать воду. Сдѣлали изъ бумаги воронку и черезъ нее наполнили дуру водою. Утомительное занятіе. И совершенно непроезжательное, такъ какъ вся вода вытекла черезъ кранъ дуры.

6.

Мы заинтересовались дурой. Все свободное время уходить на разсматриваніе дуры съ наружной стороны. Мы уже научились запереть кранъ и благодаря этому удерживать въ дурѣ всю воду. Теперь рѣшаемъ вопросъ: что же дѣлаютъ русскіе съ дурой?

Готлибъ Козлиная-Борода предположилъ, что дура не что иное, какъ походная фляжка.

Попробовали привязать за ручку дуру къ поясу. Тяжело, неудобно и надо ходить очень медленно, чтобы не расплескивалась вода.

Мой пріятель Гансъ Канаріенфогель поклялся, что откроетъ секретъ дуры.

7.

У Канаріенфогеля на плечахъ не голова, а цѣлый рейхстагъ.

Бравый парень открылъ секретъ дуры: ему удалось снять съ верхней части дуры нѣчто, оказавшееся крышкой, прикрывающей вертикальный каналъ.

Ну, теперь мнѣ понятно, почему русскій у колодца такъ быстро наполнилъ дуру.

Въ какое-нибудь мгновеніе мы опрокинули въ каналъ дуры цѣлое ведро воды. Что за чортъ? Мало. Опрокинули еще ведро. Опять... впрочемъ, это «опять» было пренепременно: и каналъ былъ пустъ и дура, судя по вѣсу, пуста, а вся вода вылилась наружу... Очевидно, тутъ что-то не такъ...

8.

— Эврика! — какъ сказалъ какой-то нѣмецъ, побывавшій въ Греціи (покарай ее Богъ).

Мы общими усиліями сняли съ дуры еще одну крышку діаметромъ во всю толщину дуры. Поинтересовались, не разбирается ли вся дура по частямъ, но несмотря на самое внимательное отношеніе къ вопросу, мы не смогли больше снять даже пустяковаго винтика.

Итакъ, слушай, что за штука дура. Это прежде всего ведро. Но ведро это довольно оригинальное: тыливаешь въ него воду, закрываешь двумя крышками — большой и малой и... и воду теперь ты получишь только маленькими порціями, черезъ кранъ. Вдумайся въ глубину этого.

Мы, просвѣщенные культурой нѣмцы, для того, чтобы имѣть при себѣ воду — пристегиваемъ къ поясу фляжку, и вопросъ о водоснабженіи арміи у насъ разрѣшенъ. Что же дѣлаютъ русскіе? Смѣйся, Амальхенъ! Собери всѣхъ своихъ подругъ, позови бабушку — пусть посмѣется и она, — и вмѣстѣ съ ними смѣйтесь надъ русской изобрѣтательностью: русскіе, — по нашему выводу, — носятъ съ собою на опредѣленное количество солдатъ по одной полной воды дурѣ, къ крану которой русскіе и прикладываются, когда почувствуютъ жажду! Хи, хи, хи!

9.

Амальхенъ, мы наканунѣ величайшаго открытія. Быть вторымъ Христофоромъ Колумбомъ — презавидно, чортъ побери! Среди нашихъ солдатъ завелся одинъ механикъ-мудрецъ. Его очень заинтересовало присутствіе въ дурѣ не соединяющагося съ нею вертикальнаго канала. Зачѣмъ онъ? Мы предположили, что для складыванія съѣстныхъ припасовъ, — напимѣръ, колбасы, — механикъ-мудрецъ согласился. Мы предположили, что для льда, который въ лѣтнее время будетъ охлаждать воду въ дурѣ. Мудрецъ согласился и съ этимъ. Но тутъ-то произошло грандіозное открытіе. Нашъ мудрецъ вдругъ началъ тереть лобъ, нахмурилъ брови и впился взглядомъ въ одну точку, словомъ, весь ушелъ въ глубокое раздумье. Амальхенъ, онъ изобрѣлъ!

— Господа, — сказалъ онъ, — если дура можетъ помощью канала охлаждать воду, то не будемъ мы нѣмцами, если не заставимъ ее тѣмъ же каналомъ нагрѣвать ее!

Дружное «хохъ» раздалось въ отвѣтъ.

10.

Мы работаемъ по усовершенствованію дуры. Послѣ опытовъ со всѣми горючими матеріалами, мы пришли къ убѣжденію, что лучше всего подогрѣвать воду углями. Для лучшей тяги спроектировали съемную вертикальную трубу съ отвѣтвленіемъ наверху.

И черезъ какія-нибудь пятнадцать минутъ холодная, какъ ледъ, вода обращается въ кипяткъ! Не надо разогрѣвать каждый кофейникъ! Дура даетъ цѣлое ведро кипятку!

Да здравствуетъ нашъ геній! Да здравствуетъ дура!

11.

Чертежи дуры готовы.

Завтра начнемъ хлопотать о патентѣ.

Имя нашему изобрѣтенію:

— «Дура германской фабрикаціи».

Евграфъ Дольскій.

ЖИВОПИСЕЦЪ ПЧЕЛКИНЪ.

У кого къ чему способности есть;

Кому шофферомъ быть, кому стричь бороду,
А у Пчелкина вывѣски — глазъ не отвесь —
Ходи да разсматривай по городу...

Туда ли, сюда ли — въ любой конецъ,

Пока не пробѣтъ испарина.

У мясной погляди на коровъ и овецъ,

У портного — на офицера и штатскаго барина.

Табачная лавка — тропическій сюжетъ:

Арапъ на слонѣ ли, на верблюдѣ ли,

Тамъ гирлянды висятъ монополь-манжетъ,

Тамъ скорнякъ — и на вывѣскѣ скачутъ пудели.

Ну, куда тебѣ, Рѣпинъ? Хорошъ да не то!

Нашъ бы Пчелкинъ всегда подбрилъ его —

Нарисуй-ка, старичокъ, съ яйцами рѣшето

Для купца-оптовика Гаврилова?

Рѣпинъ — геній! Этакій вѣдь пущенъ слухъ...

Одеколнчикомъ потрите-ка вы виски

Да посмотрите лучше, сколько мухъ

У хлѣбопекарни живетъ на вывѣскѣ,

Потому что у Пчелкина ситный хлѣбъ

Изображенъ до послѣдней, такъ сказать, реальности...

Любуйся, любуйся, кто не ослѣпъ,

Ей Богу надо ему медаль поднести!..

Съ этимъ согласится и другъ и врагъ,

У Пчелкина и не будетъ марки иной,

Недаромъ же онъ вступаетъ въ законный бракъ

Съ прачкой-хозяйкой Анной Марковной.

Заведенье у Марковны первый сортъ,

Стирка безъ щетокъ и безъ разной химіи,

А все-таки Пчелкинъ хитрый чортъ,

Прости мнѣ, Господи, грѣхи мои...

Приходитъ онъ въ прачешную брать заказъ

И заводитъ Аннѣ Марковнѣ рѣчь о томъ,

Что, вотъ, молю, хорошо бы нарисовать васъ

Для вывѣски съ уютами и въ платѣхъ клѣтчатомъ.

И ужъ такую-то красавицу написалъ, егоза,

Кто ни взглянетъ — беретъ куражъ того —

Даже косые Анны Марковны глаза

Правильно глядѣли, какъ у каждого.

Пчелкину слава, Пчелкину честь,

Женился, а дѣло у Марковны доходное —

У кого къ чему способности есть —

Вотъ что значить ремесло благородное!

Валентинъ Горянскій.

НЕ МЫТЬЕМЪ, ТАКЪ — КАТАНЬЕМЪ.

Хозяйка (вбѣгая въ чайную лавку въ сопровожденіи своей горничной). Вотъ эта моя дѣвчонка только сейчасъ купила у васъ фунтъ сахара за 25 копеекъ!

Приказчикъ. Сахаръ вздорожалъ, сударыня...

Хозяйка (потрясая пакетомъ). Но въ немъ — меньше фунта!

Приказчикъ. Фунтъ вздорожалъ, сударыня...

Нед.

НИЧЕГО НЕ ПРИБАВЛЕНО, НЕ УБАВЛЕНО.

Военный корреспондентъ: — Пишите: въ настоящій моментъ я сижу въ окопѣ, верхомъ на доставшейся намъ австрійской лошади... Клубы удушливаго дыма — этого адскаго изобрѣтенія нѣмцевъ — окутываютъ меня, и почти у самага уха слышится мѣрное постукиваніе пулемета...

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый Государь
Г. Редакторы!

Замѣтилъ съ нѣкоторыхъ поръ я,
Что нашъ журналъ подводный рифъ,
И вотъ бѣгу изъ «Лукоморья»,
О семъ въ газетахъ заявивъ.
Теперь моя спокойна совѣсть:
Ни тѣни прошлаго стыда!
Тѣмъ болѣе, что мной туда
Запродана большая повѣсть.
Страницъ, примѣромъ, на 700,
А деньги забраны впередъ.
Такою мѣрою прелестной
Двухъ зайцевъ я за хвостъ схвачу:
Вновь становлюсь дѣвицей честной
И деньги съ гостя получу.

Примите и пр.
Бывшій Лукоморецъ.

НЕПОНЯТНЫЕ РАЗГОВОРЫ.

— Что это еще за очередь? Извозчичья пролетка, а около нея цѣлый хвостъ...

— Въ театр навѣрное собрались... Довезетъ одного, за другимъ прїѣдетъ. Лошадка сытая, до ночи, пожалуй, всѣхъ свезетъ...

— А гдѣ же извозчикъ?

— Извозчикъ дома. Позируетъ для портрета одному итальянскому художнику. Недавно особнякъ купилъ, а теперь дочку выдаетъ за египетскаго посла. Къ семейному празднику готовится...

— Наслѣдство, навѣрное?

— Нѣтъ, такъ. На бойкое мѣсто третьяго дня всталъ. Одинъ сѣдокъ, другой сѣдокъ... Человѣкъ пятнадцать свезъ, а потомъ и комиссіонера по продажѣ недвижимаго имущества за бока...

— Броситъ навѣрное теперь ѣздить...

— Ну не скажите... Они теперь всѣ на землю въ Крыму набросились. Даромъ дачу не купишь. Дней пять лишнихъ на козлахъ проболтаться придется...

* * *

— Прежде всего для изданія газеты нужна бумага...

— У меня есть одинъ знакомый фармацевтъ. Обѣщался достать по 7 руб. 20 коп. за пудъ.

— Ну, предположимъ, достали бумагу. А шрифтъ для типографіи?

— Меня вчера съ одной артисткой познакомили. Бросила сцену и этимъ занимается.

— Хорошо, а гдѣ же вы машины достанете?

— Машины? Помните, я васъ вчера познакомилъ съ братомъ Зины? Онъ пѣвчій.

— При чемъ же тутъ машины?

— Ахъ, Господи, конечно же не онъ самъ. У него родственникъ въ балетѣ служитъ, вотъ и достаетъ.

— Да, но вѣдь для газеты нужны объявленія...

— Ну, теперь это дѣло въ рукахъ Фырина.

— У него что — контора?

— Не могу вамъ точно сказать. Раньше онъ моторными лодками торговалъ, а теперь, кажется, лошадей на бѣгахъ держитъ.

* * *

— Онъ вашъ родственникъ?

— Кто — Андрей Петровичъ? А почему вы думаете?

— Такъ, показалось. Прихожу вчера къ вамъ, а онъ у васъ въ кабинетѣ. На диванѣ лежитъ, досталъ вашъ дневникъ изъ письменнаго стола, читаетъ и смѣется.

— Нѣтъ, не родственникъ.

— Онъ представился мнѣ, а я фамилию забылъ.

— Кажется, Никонинъ. А можетъ быть Меридзе. Часто заходитъ къ намъ. Вотъ уже вторую недѣлю ночуетъ.

— Нѣтъ, я такъ полюбопытствовалъ. Думалъ, что это братъ Ксеніи Петровны, который собирался прїѣхать.

— Нѣтъ, нѣтъ. Такъ, услуги семейныя оказываетъ. Третьяго дня на Ксенино рожденіе бутылку коньяку досталъ. Мнѣ какъ-то ликеру въ чернильницѣ принесъ. Обѣщался къ Рождеству даже пива принести. Можетъ и принесетъ.

— Связи навѣрное есть.

— Ну да, связи... Просто умѣетъ найти. Довѣрчивый онъ только — четвертый разъ ему по двадцать рублей даю. Приходитъ каждый разъ и извиняется — тамъ, говоритъ, за-

датока далъ, здѣсь — впередь далъ... Очень милый парень... Знаешь, для семьи въ такое время такіе люди незамѣнимы...

* * *

- Вы здѣсь постоитъ, а я за полицейскимъ сбѣгаю.
- Вы что, батюшка, сумасшедшій, что ли?.. Во второмъ часу ночи подымать на улицѣ скандалъ...
- Что же вы ихъ допустите грабить магазинъ... безнаказанно, да? Посмотрите въ щелочку... Ну что?
- Ну что? Вижу. Берутъ мѣшки съ мукой, съ сахаромъ и несутъ ихъ въ кладовую.
- Странно, что на нихъ черныхъ масокъ нѣтъ.
- Зачѣмъ же приказчикъ бакалейнаго магазина будетъ въ маскѣ ходить? Вы еще ему шпагу нацѣпите, а кассиршѣ сѣкиру въ руки...
- Да, но вѣдь они куда-то прячутъ товаръ изъ лавки...
- Изъ своей же...
- Но, представьте себѣ отчаяніе хозяина, который завтра придетъ въ магазинъ и всплеснувъ руками, вскрикнетъ голосомъ, въ которомъ послышатся слезы: ахъ, гдѣ мой товаръ?
- Почему же онъ не кричитъ сейчасъ?
- Сейчасъ, бѣдняга, навѣрное спитъ въ своей комнатѣ, отдыхаетъ послѣ трудового дня.
- Ничего подобнаго, вотъ онъ самъ стоитъ здѣсь и распоряжается, чтобы подальше прятали.
- Можетъ быть, онъ хочетъ оставить для себя и сахаръ и муку?
- Если его семья привыкла класть въ стаканъ по четыре пуда сахара, а за семейнымъ столомъ у него обѣдаютъ лошади, съѣдающіе по восемнадцати пудовъ муки, тогда, конечно...

* * *

- Что это дѣлаютъ дворники... Это же безобразіе.
- Человѣка отрываютъ.
- Отъ чего отрываютъ?
- Что вы не видите что ли — колбасная. Отъ окна отрываютъ. Присосался къ окну и второй день не сходить съ мѣста. Публикѣ ужъ надоѣло, пожаловались.
- Онъ что — хозяина что ли высѣживаетъ.
- Да нѣтъ... Стоить и на ветчину смотреть. А можетъ кусокъ сливочнаго масла положили.
- Босаякъ голодный, навѣрное.
- Нѣтъ. Кажется, инженеръ. Не то адвокатъ.
- Разорившійся?
- Конечно. Мнѣ о немъ говорили. Повезъ какого-то пріятеля въ ресторанъ. Люди оба молодые, ну и началось...
- Зеркала?
- Нѣтъ, мясо. Толпа сбѣжалась. Начались безобразія... Зелень, мясо, булки... Рыбу съ хлѣбомъ. Говорятъ, что сбереженія были — и все въ одинъ вечеръ.

* * *

- Они же не имѣютъ права бить женщину...
- Да они и не собираются.
- Почему же ихъ чуть ли не сорокъ человѣкъ, а она бѣжитъ...
- Пустяки. Это квартирная хозяйка. Комната у ней пустая есть.
- Всѣ же не помѣстятся.
- Понятное дѣло. А кто-нибудь пролѣзетъ. У меня одинъ такой знакомый проныра есть. Хозяйка оглянуться не успѣла, какъ онъ у нея кусокъ коридора за четыреста двадцать рублей снялъ. Хотѣла выставить да поздно. Пришла къ нему, а онъ ужъ самъ за двѣсти сорокъ мѣсто на чемоданъ сдалъ. Цѣлая семья помѣстилась.

* * *

- А гдѣ ваши товарищи по сценѣ? Теперь ужъ до нихъ навѣрное рукой не достанешь...
- Да, да. Блестящая карьера. Помните Шурку? О немъ вся печать кричала, какъ о лучшемъ неврастеникѣ.
- Ну и какъ?
- Добился. Сто рублей за выходъ.
- У него, кажется, и голосъ былъ.
- И теперь есть. Еврейскіе анекдоты, они все требуютъ. Въ лучшіе кинематографы приглашаютъ.
- А Петенька? Петя Пыринъ?
- У Пети жена въ несравненныя пошла. Такъ и пишетъ на афишахъ: несравненная обаятельница цыганскихъ жанровъ. Тоже около ста за выходъ.
- Ну, а публика какъ?
- Имъ Костя Финкинъ дорогу перешибъ. У того не только еврейскіе анекдоты. На бисъ фракъ лѣвой ногой снимаетъ.

Арк. Буховъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Въ Иркутскѣ живетъ музыкантъ-виолончелистъ А. Вербовъ. По словамъ людей свѣдущихъ, человѣкъ не безъ дарованія. На концертахъ его всегда полно. Состарившись, вздумалъ музыкантъ справить свой юбилей. Назначилъ концертъ.

Мѣстная газета „Иркутская Жизнь“ рѣшила поддержать его. Редакторъ заказалъ статью своему талантливому сотруднику М. В—у (Марку Волохову или, какъ зоветъ его конкурирующая съ „Иркутской Жизнью“ „Сибирь“, Марку Олухову). Тотъ долго не могъ придумать, съ кѣмъ сравнить юбиляра и какъ привлечь публику на его концертъ. Наконецъ, придумалъ. Нашелъ блестящее сравненіе и доводы для публики несокрушимые, — и въ день концерта напечаталъ въ газетѣ:

Радость славнаго музыканта.

(Сегодняшній юбилейный концертъ А. Вербова.)

Однажды русскому Златоусту — Э. Плевако — пришлось на судъ защищать сельскаго священника, прослужившаго въ деревнѣ двадцать лѣтъ и на двадцать первомъ году убившаго свою жену. Подсудимый сознался.

Все было противъ него: улики, свидѣтели.

Прокуроръ гремѣлъ.

Защищать батюшку, казалось, было нечѣмъ...

И вотъ всталъ Плевако и, обращаясь къ присяжнымъ заседателямъ — большинству односельчанъ батюшки — сказалъ:

„Судьи! Двадцать лѣтъ изо дня въ день, душа въ душу, жилъ съ вами вашъ батюшка... Двадцать долгихъ лѣтъ Великимъ постомъ ходили вы къ нему на исповѣдь, приносили грѣхи свои...“

Двадцать лѣтъ онъ отпускалъ вамъ грѣхи ваши, притомъ, любя васъ...

Простите же вы ему одинъ разъ въ жизни его тяжелый грѣхъ...

Присяжные оправдали батюшку.

Господа!

Тридцать лѣтъ свободный художникъ виолончелистъ Адрианъ Вербовъ училъ вашихъ дѣтей музыкѣ...

Тридцать лѣтъ въ собраніяхъ, театрахъ, школахъ онъ игралъ для васъ, доставляя своей игрой высшее эстетическое наслаждение...

Тридцать лѣтъ, по вашей просьбѣ, Адрианъ Вербовъ бралъ своего друга — виолончель и въ дождь ли, въ снѣгъ ли, зимой ли, лѣтомъ — радостный шелъ играть во всѣхъ благотворительныхъ концертахъ...

Тридцать лѣтъ онъ не оставлялъ Васъ...

Не оставите же его одинъ разъ — въ сегодняшній памятный день его жизни.

М. В—въ.

Вы думаете, этимъ дѣло и кончилось?

Нѣтъ, этимъ дѣло не кончилось!

Вотъ что сообщаетъ намъ эпически спокойный мѣстный хроникеръ:

На слѣдующій день послѣ концерта юбиляръ пришелъ въ редакцію и попросилъ, чтобы ему показали автора этой статьи. Произошелъ переполохъ. Сотрудники газеты боялись за своего товарища, пытались скрыть его, хотѣли растолковать старику, что Маркъ Волоховъ не хотѣлъ оскорбить его.

Но музыкантъ стоялъ на своемъ:

— Я хочу видѣть его, и безъ этого не уйду!

Наконецъ, Маркъ Волоховъ выступилъ впередъ.

Увидѣвъ его, А. Вербовъ... обнялъ его и, плача и смѣясь въ одно и то же время, сталъ горячо благодарить его, повторяя:

— Я ждалъ, всю жизнь ждалъ... Спасибо, родной... Спасибо, что поняли, оцѣнили... До смерти не забуду этого свѣтлаго дня... Дай Богъ вамъ всего... Вамъ и дѣткамъ вашимъ...

Затѣмъ музыкантъ забралъ 110 экземпляровъ № съ посвященной ему статьѣй, заплатилъ за нихъ 5 р. 50 к. и ушелъ, расстроганный, умиленный, утирая слезы концомъ шейнаго платка.

Подумать только — какая странная, удивительная штука — жизнь. Нѣсколько десятковъ лѣтъ жили и работали два человѣка — каждый самъ по себѣ... И вотъ однажды уже на склонѣ дней своихъ — встрѣтились люди — и поняли одинъ другого, раскусили, какъ свѣжую сочную ягоду...

Ибо, какъ видно, оба — одного поля ягоды.

Рис. Н. Радлова.

Рис. Н. Радлова.

ТРУДНАЯ ВЕЩЬ — ПОЛИТИКА.

— А что, скажи, родимый: пскопские — за нас?

РАБОТА.

Каждый день, по волѣ рока,
Я, разстроенный глубоко,
За столомъ своимъ сижу,
Перья, нервы извожу.
Подбираю консонансы,
Истребляю диссонансы,
Роюсь въ арсеналѣ темъ,
И строчу, строчу затѣмъ.

Гдѣ — смѣшное взять поэту?
Уязвить кого и какъ?
«Минну»? «Карла»? «Турка»? «Грету»?
Или бюргера колпакъ?
Но теперъ, по бѣлу свѣту
То, высмѣиваетъ всякъ.

Есть «удушливые газы».
Можно высмѣять бы ихъ,
Но, припомнивъ ихъ проказы,
Я задумчиво притихъ:
Слишкомъ мрачные рассказы
Для того, чтобъ гнуть ихъ въ стихъ.

Хорошо. Войны не трону.
Но, желая гонораръ,
Я пошлю «Сатирикону»
Мелочную злобу въ даръ.

И, именъ не называя,
Всѣхъ прятелей своихъ
Такъ облаю, лая, хая,
Что займется духъ у нихъ.

Тотъ — бездарень; этотъ — грѣшнень;
Этотъ — глупъ; а этотъ — тупъ;
Этотъ — долженъ быть повѣшенъ;
Этотъ — просто жалкій трупъ.

Только я — идейно честень,
Сверхталантливъ и красивъ,
Только мнѣ всегда извѣстенъ
Вдохновенія приливъ!

Храбрый я, — Аника-воинъ!
Вы — прокисли? Ничего...
Всякъ трудящійся — достоинъ
Пропитанья своего...

А. С. Гринь.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Плодотворность.

У насъ все дорого — дрова, мясо, масло, яйца, крупа...
Но министерство внутреннихъ дѣлъ стремится все это удешевить.

Конечно, сразу ничего не дѣлается и съ чего-нибудь начинать да надо.

И министерство начало (лиха бѣда начало!) съ того, что понизило таксу за печатаніе обязательныхъ объявленій въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“.

Главное, значить, сдѣлано. Остаются пустяки и презрѣнная проза: крупа, соль, масло, дрова и проч...

Отецъ и сынъ.

Изъ Копенгагена телеграфируютъ: „Сынъ Бьернстерне-Бьернсона, занявшійся германфильской информацией, выступилъ съ докладомъ о своихъ впечатлѣніяхъ на трехъ австро-нѣмецкихъ фронтахъ. Публика встрѣтила его, однако, свистомъ. Враждебная демонстрація продолжалась два часа.“

Каково терпѣніе у лектора — слушать свистъ два часа! Но терпѣніе же и у публики!!

Особенное впечатлѣніе произвелъ тотъ моментъ, когда публика запѣла норвежскій гимнъ, сочиненный отцомъ „информатора“. Демонстранты кричали, что готовы еще слушать настоящего нѣмца, но ни въ какомъ случаѣ подкупленного нѣмцами норвежца. Бьернсонъ вынужденъ былъ въ концѣ концовъ оставить эстраду.

Отецъ и сынъ...

Говорятъ — яблочко отъ яблони недалеко падаетъ.

Можно сказать иначе: яблоня и послѣ смерти стоитъ, а гнилое яблочко падаетъ раньше срока, и свиньи, въ концѣ концовъ пожираютъ его.

Прямой человекъ.

Есть еще чистыя кристаллы, не тронутыя тлетворнымъ дыханіемъ компромисса, души!

Предсѣдатель богучарскаго военно-промышленнаго комитета гор. голова Курановъ вернулъ въ центральный военно-пром. комитетъ дѣловыя бумаги съ заявленіемъ, что онѣ этихъ бумагъ не разсматривать, потому что онѣ подписаны лицами, носящими нѣмецкія фамиліи. Курановъ проситъ впредь такихъ бумагъ не посылать. Предсѣдатель центрального комитета Гучковъ распорядился прекратить посылку всякихъ бумагъ въ Богучарскій комитетъ.

Въ тую же недѣлю городской голова Курановъ высѣкъ дочку за то, что ѣла Гала-Петеръ, разругалъ жену за одеколонъ Одоръ-де-Фемина и спустилъ съ лѣстницы сынишку, читавшаго Фонвизина...

Тамъ, внутри.

По случаю „дня покаянія“ нѣкоторыя германскія газеты посвятили статьи нравственному вліянію войны на германскій народъ.

Оказывается, война оказала самое пагубное вліяніе на нѣмцевъ.

„Тагесъ-Цейтунгъ“ пишетъ чернымъ по бѣлому:

— „Въ Германіи торжествуетъ мелочность, наглость, грѣховность, ширится спекуляція изъ самыхъ низкихъ корыстолюбивыхъ побужденій и царствуетъ самая широкая распущенность“...

Такова внутренняя жизнь современной Германіи, нарисованная органомъ самой вліятельной въ странѣ кайзера группы, газетою партіи аграріевъ.

Еще болѣе откровенно пишетъ о нынѣшнемъ моральномъ развалѣ Германіи газета „Крейцъ-Цейтунгъ“:

— „Эксплоатація нужды и военное ростовщичество создали гнойныя язвы на организмѣ германской націи. Солдаты, залѣчивающіе свои раны внутри страны, отворачиваются отъ зрѣлища, представляющагося ихъ глазамъ, и съ негодованіемъ восклицаютъ: „И такому-то народу мы приносимъ въ жертву нашу жизнь и наше здоровье“...
Врядъ ли при такихъ нравахъ можно думать о завоеваніи всего міра силою германскаго духа“...

Да теперъ ужъ что объ этомъ думать...

Единственный выходъ теперъ: одержать еще двѣ-три оглушительныя побѣды, а потомъ стать на колѣни и заплакать:

— Дяденьки, больше не буду... Давайте помиримся!

Онъ и его мама.

Корреспондентъ „Новаго Времени“ пишетъ:

Бываютъ и курьезные плѣнные. Попался какъ-то вольноопредѣляющійся гусаръ, великолѣпно объяснявшійся по-французски и по-

английски. Тотчас же представил письмо своей матери, адресованное одному из наших послов на Ближнем Востоке. Нѣмка вспоминаетъ въ письмѣ восьмидесятыя годы, встрѣчи съ семьей посла и проситъ его „во имя его покойной жены“ принять участіе въ ея сынѣ и облегчить его участь, если онъ попадетъ въ плѣнъ.

— Вѣдь вы кажется недавно съ французскаго фронта? — спросили у шикарнаго вольноопредѣляющагося.

— Тогда у меня были въ запасѣ письма къ французскимъ сановникамъ... не смутился Нѣмецъ.

Оказывается, что если бы этотъ продувной нѣмецъ попался въ плѣнъ сербамъ или японцамъ — у него и на этотъ случай были бы за сапогомъ письма отъ мамы къ сербскимъ и японскимъ сановникамъ:

— Вотъ мама... кланялась вамъ и прислала...

Очевидно, мама его такая расторопная дама, что связи у нея есть на всѣхъ фронтахъ со всѣми сановниками.

Можно сказать — сынъ вооруженъ съ ногъ и до головы...

Страшное разоблаченіе.

Отрывокъ изъ изданнаго въ Новороссійскѣ „Черноморскаго Альманаха“, сѣтующаго на то, что трудно попасть въ петроградскую литературу:

Пресловутая кружковщина свила себѣ прочное гнѣздо въ Петроградѣ. Чтобы попасть въ какой-нибудь журналъ, нужно предварительно попойнствовать съ его редакторомъ или свести близкое знакомство съ женой послѣдняго.

И представьте себѣ ужасъ начинающаго новороссійца, который вдругъ встрѣчаетъ *непьющаго и ходостого* редактора журнала.

Ужъ въ такой-то журналъ даже новороссійскимъ способомъ не попадешь.

Жестокое изданіе.

Журналъ „Геркулесъ“ съ большимъ смакомъ рассказываетъ о томъ, какъ лучше всего вышибать духъ изъ человѣка:

Боксеры голыми кулаками стараются наносить удары главнымъ образомъ въ голову, обращая сравнительно мало вниманія на туловище противника, что, впрочемъ, и понятно (!): голый кулакъ можетъ произвести достаточно прочныя (!) разрушенія на костяхъ черепа и „замотать“ человѣка, нанести же удачный ударъ въ корпусъ, защищенный плотной подушкой мускуловъ, довольно трудно.

Помимо общей тренировки, боксеры имѣютъ право особымъ образомъ препарировать свои кулаки (!), чтобы сдѣлать ихъ жестче и чувствительнѣе для противника. Для этого употребляется особая смѣсь, въ составъ которой входятъ уксусная эссенція, скипидаръ и виски. Три раза въ день боксеръ „маринуетъ“ (!) свои кулаки; кромѣ того, особый специалистъ массируетъ ихъ, сгоняя малѣйшій жиръ. Въ результатѣ дубленые кулаки боксера дѣлаются, какъ каменные.

Маринованные такимъ образомъ кулаки въ пищу не употребляются и экспорту въ нейтральныя страны не подлежатъ.

Впрочемъ, наше диллетантское мнѣніе таково, что для кулаковъ гораздо проще и дѣйствительнѣе была бы простая полуда — по способу луженія самоваровъ... Зажать въ кулакъ желѣзную гиру, облить его полудой и бить по черепу — кто подвернется.

Прочно и мило.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ПОСТУПАЕТЪ
ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Аркадія Аверченко.

„О МАЛЕНЬКИХЪ — ДЛЯ БОЛЬШИХЪ“.

Разказы о дѣтяхъ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Рис. Миссъ.

Вѣрнѣйшее лѣкарство, какъ заставить себя полюбить, каково лѣкарство, однако, лучше всего сохранять въ холодномъ видѣ...

Рис. Н. Радлова.

ТРУДНАЯ ВЕЩЬ — ПОЛИТИКА.

— А что, скажи, родимый: пскопские — за насъ?

РАБОТА.

Каждый день, по волѣ рока,
Я, разстроенный глубоко,
За столомъ своимъ сижу,
Перья, нервы извожу.
Подбираю консонансы,
Истребляю диссонансы,
Роюсь въ арсеналѣ темъ,
И строчу, строчу затѣмъ.

Гдѣ — смѣшное взять поэту?
Уязвить кого и какъ?
«Минну»? «Карла»? «Турка»? «Грету»?
Или бюргера колпакъ?
Но теперь, по бѣлу свѣту
То, высмѣиваетъ всякъ.

Есть «удушливые газы».
Можно высмѣять бы ихъ,
Но, припомнивъ ихъ проказы,
Я задумчиво притихъ:
Слишкомъ мрачные рассказы
Для того, чтобъ гнуть ихъ въ стихъ.

Хорошо. Войны не трону.
Но, желая гонораръ,
Я пошлю «Сатирикону»
Мелочную злобу въ даръ.

И, именъ не называя,
Всѣхъ пріятелей своихъ
Такъ обляю, лая, хая,
Что займется духъ у нихъ.

Тотъ — бездаренъ; этотъ — грѣшенъ;
Этотъ — глупъ; а этотъ — тупъ;
Этотъ — долженъ быть повѣшенъ;
Этотъ — просто жалкій трупъ.

Только я — идейно честенъ,
Сверхталантливъ и красивъ,
Только мнѣ всегда извѣстенъ
Вдохновенія приливъ!

Храбрый я, — Аника-воинъ!
Вы — прокисли? Ничего...
Всякъ трудящійся — достоинъ
Пропитанья своего...

А. С. Гринь.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Плодотворность.

У насъ все дорого — дрова, мясо, масло, яйца, крупа...
Но министерство внутреннихъ дѣлъ стремится все это удешевить.

Конечно, сразу ничего не дѣлается и съ чего-нибудь начинать да надо.

И министерство начало (лиха бѣда начало!) съ того, что понизило таксу за печатаніе обязательныхъ объявленій въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“.

Главное, значитъ, сдѣлано. Остаются пустяки и презрѣнная проза: крупа, соль, масло, дрова и проч...

Отецъ и сынъ.

Изъ Копенгагена телеграфируютъ: „Сынъ Бьернстерне-Бьернсона, занявшійся германофильской информацией, выступилъ съ докладомъ о своихъ впечатлѣніяхъ на трехъ австро-нѣмецкихъ фронтахъ. Публика встрѣтила его, однако, свистомъ. Враждебная демонстрація продолжалась два часа.“

Каково терпѣніе у лектора — слушать свистъ два часа!
Но терпѣніе же и у публики!!.

Особенное впечатлѣніе произвелъ тотъ моментъ, когда публика запѣла норвежскій гимнъ, сочиненный отцомъ „информатора“. Демонстранты кричали, что готовы еще слушать настоящего нѣмца, но ни въ какомъ случаѣ подкупленного нѣмцами норвежца. Бьернсонъ вынужденъ былъ въ концѣ концовъ оставить эстраду.

Отецъ и сынъ...

Говорятъ — яблочко отъ яблони недалеко падаетъ.

Можно сказать иначе: яблоня и послѣ смерти стоитъ, а гнилое яблочко падаетъ раньше срока, и свиньи, въ концѣ концовъ пожираютъ его.

Прямой человекъ.

Есть еще чистыя кристалльныя, не тронутыя тлетворнымъ дыханіемъ компромисса, души!

Предсѣдатель богучарскаго военно-промышленнаго комитета гор. голова Курановъ вернулъ въ центральный военно-пром. комитетъ дѣловыя бумаги съ заявленіемъ, что онъ этихъ бумагъ не разсматривалъ, потому что онѣ подписаны лицами, носящими нѣмецкія фамиліи. Курановъ проситъ впредь такихъ бумагъ не посылать. Предсѣдатель центрального комитета Гучковъ распорядился прекратить посылку всякихъ бумагъ въ Богучарскій комитетъ.

Въ тую же недѣлю городской голова Курановъ высѣкъ дочку за то, что ѣла Гала-Петеръ, разругалъ жену за одеколонъ Одоръ-де-Фемина и спустилъ съ лѣстницы сынишку, читавшаго Фонвизина...

Тамъ, внутри.

По случаю „дня покаянія“ нѣкоторыя германскія газеты посвятили статьи нравственному вліянію войны на германскій народъ.

Оказывается, война оказала самое пагубное вліяніе на нѣмцевъ.

„Тагесъ-Цейтунгъ“ пишетъ чернымъ по бѣлому:

— „Въ Германіи торжествуетъ мелочность, наглость, грѣховность, ширится спекуляція изъ самыхъ низкихъ корыстолюбивыхъ побужденій и царствуетъ самая широкая распушенность“...

Такова внутренняя жизнь современной Германіи, нарисованная органомъ самой вліятельной въ странѣ кайзера группы, газетою партіи аграріевъ.

Еще болѣе откровенно пишетъ о нынѣшнемъ моральномъ развалѣ Германіи газета „Крейцъ-Цейтунгъ“:

— „Эксплоатация нужды и военное ростовщичество создали гнилыя язвы на организмѣ германской націи. Солдаты, залѣчивающіе свои раны внутри страны, отворачиваются отъ зрѣлища, представляющагося ихъ глазамъ, и съ негодованіемъ восклицаютъ: „И такому-то народу мы приносимъ въ жертву нашу жизнь и наше здоровье“...

Врядъ ли при такихъ нравахъ можно думать о завоеваніи всего міра силою германскаго духа“...

Да теперь ужъ что объ этомъ думать...

Единственный выходъ теперь: одержать еще двѣ-три оглушительныя побѣды, а потомъ стать на колѣни и заплакать:

— Дяденьки, больше не буду... Давайте помиримся!

Онъ и его мама.

Корреспондентъ „Новаго Времени“ пишетъ:

Бываютъ и курьезные плѣнные. Попался какъ-то вольноопредѣляющійся гусаръ, великолѣпно объяснявшійся по-французски и по-

английски. Тотчас же представил письмо своей матери, адресованное одному из наших послов на Ближнем Востоке. Нѣмка вспоминаетъ въ письмѣ восьмидесятые годы, встрѣчи съ семьей посла и проситъ его „во имя его покойной жены“ принять участіе въ ея сынѣ и облегчить его участь, если онъ попадетъ въ плѣнъ.

— Вѣдь вы кажется недавно съ французскаго фронта? — спросили у шикарнаго вольноопредѣляющагося.

— Тогда у меня были въ запасѣ письма къ французскимъ сановникамъ... не смутился Нѣмецъ.

Оказывается, что если бы этотъ продувной нѣмецъ попался въ плѣнъ сербамъ или японцамъ — у него и на этотъ случай были бы за сапогомъ письма отъ мамы къ сербскимъ и японскимъ сановникамъ:

— Вотъ мама... кланялась вамъ и прислала...

Очевидно, мама его такая расторопная дама, что связи у нея есть на всѣхъ фронтахъ со всѣми сановниками.

Можно сказать — сынъ вооруженъ съ ногъ и до головы...

Страшное разоблаченіе.

Отрывокъ изъ изданнаго въ Новороссійскѣ „Черноморскаго Альманаха“, сѣтующаго на то, что трудно попасть въ петроградскую литературу:

Пресловутая кружковщина свила себѣ прочное гнѣздо въ Петроградѣ. Чтобы попасть въ какой-нибудь журналъ, нужно предварительно попойнствовать съ его редакторомъ или свести близкое знакомство съ женой послѣдняго.

И представьте себѣ ужасъ начинающаго новороссійца, который вдругъ встрѣчаетъ *непьющаго и холостого* редактора журнала.

Ужъ въ такой-то журналъ даже новороссійскимъ способомъ не попадешь.

Жестокое изданіе.

Журналъ „Геркулесъ“ съ большимъ смакомъ рассказываетъ о томъ, какъ лучше всего вышибать духъ изъ человѣка:

Боксеры голыми кулаками стараются наносить удары главнымъ образомъ въ голову, обращая сравнительно мало вниманія на туловище противника, что, впрочемъ, и понятно (!): голый кулакъ можетъ произвести достаточно прочныя (!) разрушенія на костяхъ черепа и „замотать“ человѣка, нанести же удачный ударъ въ корпусъ, защищенный плотной подушкой мускуловъ, довольно трудно.

Помимо общей тренировки, боксеры имѣютъ право особымъ образомъ препарировать свои кулаки (!), чтобы сдѣлать ихъ жестче и чувствительнѣе для противника. Для этого употребляется особая смѣсь, въ составъ которой входятъ уксусная эссенція, скипидаръ и виски. Три раза въ день боксеръ „маринуетъ“ (!) свои кулаки; кромѣ того, особый специалистъ массируетъ ихъ, сгоняя малѣйшій жиръ. Въ результатѣ дубленые кулаки боксера дѣлаются, какъ каменные.

Маринованные такимъ образомъ кулаки въ пищу не употребляются и экспорту въ нейтральныя страны не подлежатъ.

Впрочемъ, наше диллетантское мнѣніе таково, что для кулаковъ гораздо проще и дѣйствительнѣе была бы простая полуда — по способу луженія самоваровъ... Зажать въ кулакѣ желѣзную гиру, облить его полудой и бить по черепу — кто подвернется.

Прочно и мило.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ПОСТУПАЕТЪ

ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Аркадія Аверченко.

„О МАЛЕНЬКИХЪ — ДЛЯ БОЛЬШИХЪ“.

Разказы о дѣтяхъ.

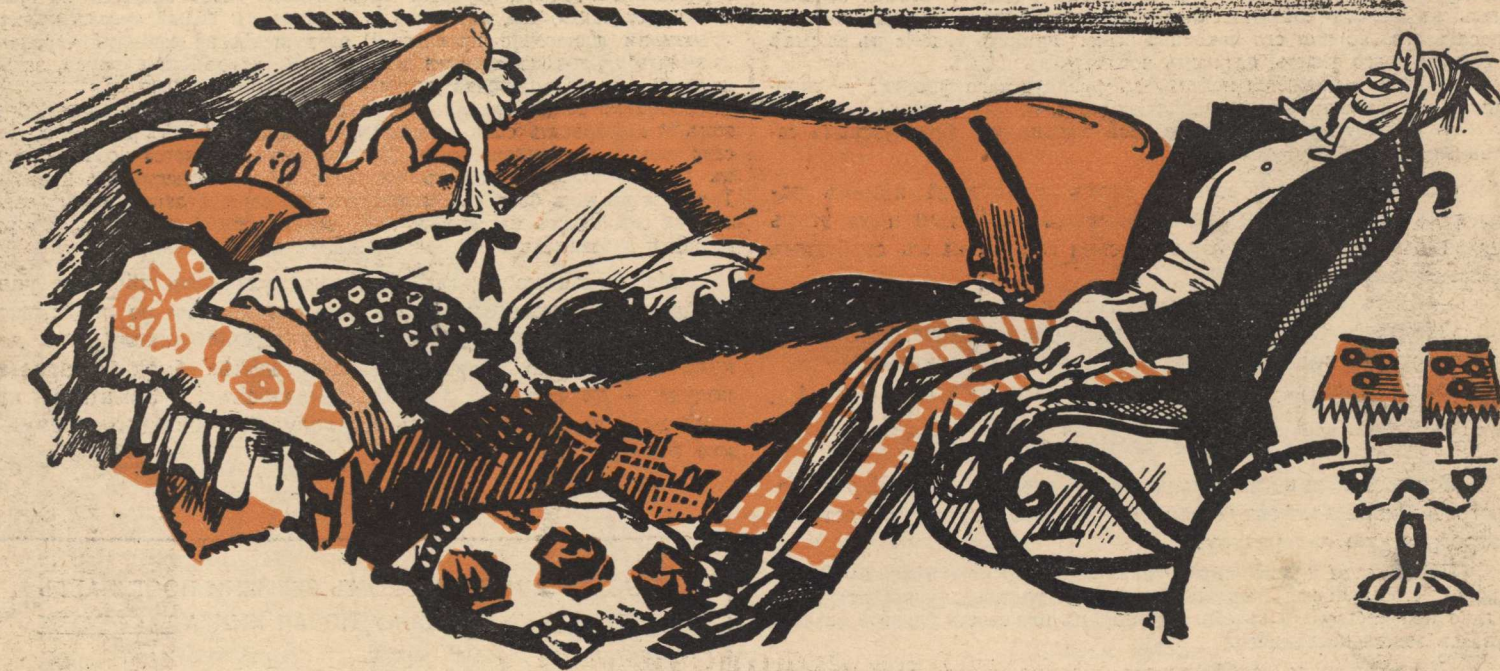
Цѣна 1 руб. 25 коп.

Рис. Миссъ.

Вѣрнѣйшее лѣкарство, какъ заставить себя полюбить, каково лѣкарство, однако, лучше всего сохранять въ холодномъ видѣ...

Рис. А. Радакова.

МУЖЪ СЪ ТЕМПЕРАМЕНТОМЪ.

Жена: — А, знаешь, твой приятель Пачкинъ жалъ мнѣ вчера ногу подъ столомъ...

Мужъ: — Какую, лѣвую?

— Развѣ не все равно?!!

— Ну, конечно Лѣвая! все-таки ближе къ сердцу. Мнѣ обиднѣе.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятія рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.

Редакція не принимает на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Шашлыкъ-пашь. — Шашлыкъ-паша — скромная непритязательная натура — умоляетъ со слезами на добрыхъ голубыхъ глазахъ: „Мнѣ все равно — хоть въ почтовомъ ящикѣ меня напечатайте... Лишь бы я въ „Сатириконѣ“ появился...“

Господи! Да нешто мы звѣри, что ли? Да, пожалуйста:

Звѣзды я считалъ на небѣ,
Но не сосчиталъ...
И твои я поцѣлуи
Считалъ, да не сосчиталъ.

Вотъ и напечатали. А тамъ, глядишь, и извѣстность не за горами.

Д. И. Ард—у. — Одинъ изъ его афоризмовъ:

„Я люблю дѣтишекъ, но только, чтобы они были хорошо прожарены и съ морковнымъ соусомъ“...

Остается пожалѣть, что родители въ свое время оставили васъ въ сыромъ видѣ.

Результатъ этой небрежности — налицо.

Б. Провинція.

Загогулинъ. — „Въ вашемъ журналѣ есть что-то такое, что располагаетъ работать въ немъ“...

А кто больше всего отъ этого страдаетъ? Мы.

Кострома. — З. И. — Въ Костромѣ острять иначе, чѣмъ въ Петроградѣ или въ Кіевѣ.

„Въ лавкѣ.“

— А что у васъ сыръ со слезой?

— Помилуйте, зачѣмъ же? Мы съ нимъ хорошо обращаемся. А вотъ читатель вашихъ остротъ будетъ со слезой. Потому что обращаетесь вы съ нимъ плохо.

Ст. Гришино. — Са—ну. — Вы пишете свои бранныя письма уже не въ первый разъ.

Обыкновенно мы дѣлаемъ такъ: разрываемъ конвертъ и прочитываемъ письмо.

Съ вами мы будемъ поступать наоборотъ — прочтемъ конвертъ и разорвемъ письмо.

Мелитополь. — Дядь Димъ. — „Ея волосы были, какъ двѣ агаатовыя волны, сбѣгавшія съ чудной головки, будто высѣченной изъ алебаstra“.

Изъ алебаstra, какъ и изъ плохого автора — сколько ни сѣки — ничего не высѣчешь... Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
НОВАЯ КНИГА.

Аркадія Бухова.

„ЖУКИ НА БУЛАВКАХЪ“.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ПОСТУПАЕТЪ
ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Тэффи.

„Неживой звѣрь“

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

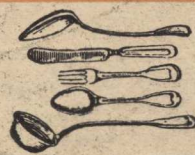
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи

Невскій, 83.
Петроградъ.

„НИКОЛАЙ ЛИНДЕНЪ“
Покрайне удешевленнымъ цѣнамъ.

ПОДПИСКА

4-й годъ изданія.

4-й годъ изданія.

на 1916 годъ

на ежедѣльный журналъ Сатиры и Юмора

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

52 номера богато иллюстрированного **красочными** рисунками и карикатурами журнала большого формата. **52**

Рисунки и текстъ лучшихъ русскихъ художниковъ и писателей.

3 БЕЗПЛАТН. ПРЕМІИ: КРОМѢ ТОГО, ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ БЕЗПЛАТН. ПРЕМІИ: **3** ПОЛУЧАЮТЪ

Одну обильно иллюстрированную книгу:

Десять лѣтъ русской конституціи. Въ звучныхъ, мѣткихъ, какъ ударъ толедской шпаги, стихахъ будетъ отражено все большое и маленькое, смѣшное и печальное, все бѣлое и черное — что произошло за эти удивительные 10 лѣтъ.

„Вѣстникъ Знанія Новаго Сатирикона“. Если когда-нибудь существовало сомнѣніе въ томъ, что Сатириконецъ заботился о своихъ читателяхъ, какъ пеликаны о своихъ дѣтяхъ, то теперь эти недостойныя сомнѣнія должны съ грохотомъ пасть. Сатириконецъ отрывають лучшія куски души своей и отдаютъ ихъ читателямъ: нате, кушайте! Расширеніе умственного и научнаго кругозора нашихъ читателей — суть первѣйшая забота руководителей журнала... Поэтому вниманію читателей предлагаются:

3 первыхъ выпуска „Вѣстника Знанія Новаго Сатирикона“.

1. ХРЕСТОМАТІЯ ГАЛАХОВА, примѣнительно къ взрослымъ. 2. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ. (Смѣшно, если бы мы остановились передъ грандіозностью задачи. Нужно — значить нужно. И нечего тамъ разговаривать). 3. СПИРИТИЗМЪ И ОККУЛЬТНЫЯ НАУКИ. (Даже объ этомъ мы подумали.)

Театръ и все остальное. Альбомъ шаржей. Работа извѣстнаго художника РЕ-МИ (Н. Ремизова). Артисты. Критики. Рецензенты. Драматурги и проч.

НВ. Незнакомыхъ или незнакомыхъ лицъ въ этомъ альбомѣ не будетъ... Если даже кто нибудь изъ таковыхъ и попадетъ случайно въ альбомъ, то пребываніе такого лица въ этомъ альбомѣ уже обдѣлаетъ его извѣстнымъ, чѣмъ заданіе и будетъ выполнено.

Журналъ „Новый Сатириконъ“ будетъ выходить при слѣдующемъ составѣ сотрудниковъ.

ХУДОЖНИКИ: Б. Анисфельдъ, Н. Альтманъ, Л. Бакстъ, Александръ Бенуа, Н. Библибинъ, Н. Герардовъ, Гранди, Григорьевъ, М. Добуженскій, М. И. Ивашинцева, Б. Кустодіевъ, Кузнецовъ, В. Лебедевъ, Миссъ, Дм. Митрохинъ, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми) Н. Радловъ, А. Спасскій, Сулейкинъ, С. Чехонинъ, О. Шарлеманъ, А. Юнгъеръ Баянъ), А. Яковлевъ и др.
ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, А. Аверченко, В. Азовъ, А. Антиповъ (А. Заринъ), Ал. Будилевъ, А. Буховъ, Л. М. Василевскій, Вл. Винкертъ, Ал. Вознесенскій, Евг. Вѣнскій, А. С. Гринъ, И. Гуревичъ, Вал. Гофманскій, Осипъ Дымовъ, Е. Дольскій, Е. Зозуля, А. Измайловъ, А. П. Каменскій, В. В. Князевъ, Красный, А. И. Купринъ, Г. Ландау, В. Маяковский, К. Милль (Полярный), Сергій Михѣевъ, Мандельштамъ, Моравская, О. Л. Д'Орбъ, Иванъ Куз. Пругиновъ, П. Потеминъ, М. Я. Пустынникъ, А. Радаковъ, Борисъ Садовскій, гр. Алексѣй Толстой, Тэффи, Н. Топузъ, В. Черный, Георгій Чулковъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА безъ доставки **6 р. 80 коп.**, съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи: на годъ **8 руб.**, на 1/2 года **4 руб.**, на 3 мѣс. **2 руб.**, на 1 мѣс. **70 коп.**

За границу: на годъ **12 руб.**, на 1/2 года **6 руб.**, на 3 мѣс. **3 руб.**, на 1 мѣс. **1 руб.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ **3 р.**, къ 1 мая **2 р.**, къ 1 июля и 1 сент. по **1 р. 50 к.**

ДЛЯ КОЛЛЕКТИВНЫХЪ подписокъ устанавливается особа льготная разсрочка, а именно: при подпискѣ **2 руб.** и ежемѣсячно каждое 1-ое число по **50 коп.**

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88. Тел. 59-07.

Редакторъ:

Аркадій Аверченко.

Издатель:

Т-во „Новый Сатириконъ“.

Нашептали они, что было нужно гению мира, и послали его с огромной ответственной миссией и огромной веткой мира.

Но призадумался по дороге гений мира и стал гадать, обрывая пальмовые листья: „Заключать мир — не заключать; заключать — не заключать“...

И явился онъ къ союзникамъ, и робко предъявивъ имъ вотъ какую ветку мира...

— Боже, до чего это удобно! — воскликнулъ русский. Союзники смотрѣли и смѣялись...